

УДК 82.09

Е. О. Малштейн,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет, Омск

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. В. Проданик

«Печорин как женщина и лошадь...»: современные исследователи о природе лермонтовского образа

В статье рассматривается специфика образа Печорина: определяются основные образные черты, устанавливается их историко-культурный генезис, оспаривается фрейдистский подход в понимании природы образа, созданного М. Ю. Лермонтовым.

Ключевые слова: фрейдизм, историко-культурный анализ, образ Печорина, творчество Лермонтова.

Один из интересных, но спорных «ключей» к пониманию образа Печорина был предложен современным немецко-австрийским литературоведом-фрейдистом Оге Ханзен-Леве, автором статьи «Печорин как женщина и лошадь в романе-эксперименте Лермонтова» [6]. Литературовед замечает в образе Григория Александровича женские черты, полагает, что характер персонажа таит в себе женское начало. По мысли Ханзен-Леве, герой феминизирован и искусно пользуется этим: он очаровывает мужчин. Например, по отношению к Максиму Максимычу он ведет себя кокетливо. Максим Максимыч, в свою очередь, чуть ли не «влюблен» в молодого сослуживца.

Автор статьи усмотрел в Печорине образ андрогина, подтверждением видится ему печоринский портрет: «Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение... положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость: он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала» [3, с. 220]. Акцентирование женского начала дается Ханзен-Леве не только по отношению к физическому облику Печорина, но и к его поведению и душеустройству, в котором тоже подмечаются женские черты: изнеженность и некоторая истеричность.

Другой исследовательский парадокс состоит в том, что Печорина сравнивают с лошадью, это сопоставление видится литературоведу еще одним «ключом» к образу «странствующего офицера». Коннотация коня и женщины заявлена во фразе: «А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно... вороная, как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а уж выезжена — как собака бегают за хозяином, голос даже его знала»

[3, с. 192]. Этого коня обменяет в дальнейшем Печорин на Бэлу.

Основываясь на этих цитатах из романа, ученый делает вывод, что некоторых эпизодах Печорин проявляет себя как породистый конь и, одновременно, как «породистая» аристократка: «Его кожа имела какую-то женскую нежность... Не смотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади... он имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским» [3, с. 221].

Эти мысли звучат, казалось бы, довольно неожиданно и остро, но насколько они справедливы и новы? Рассмотрим подробнее мужской образ в культуре XIX в. О. Б. Вайнштейн подробно останавливается на дендистских чертах мужского общества тех лет, рассказывая об английском денди Дж. Браммелле (1778–1840), который имел репутацию человека с непогрешимым вкусом и женской изнеженностью: «Браммелл всячески подчеркивал свою изнеженность... так, однажды подхватив простуду, он объяснил присутствующим, что ему «случайно пришлось в пути ночевать в одной комнате с человеком, который чрезвычайно промок» [1, с. 63]. На фоне brutальных охотников или спортсменов изнеженные городские денди выглядели более ново и привлекательно.

Как замечает О. Б. Вайнштейн, «... в дендизме очень часто происходит размягчение культурных границ женского и мужского, бесконечное двоение и игровое присвоение эмблематических свойств противоположного пола» [1, с. 68]. Изысканность нарядов денди, тщательный уход за собой и длительное время, отводимое на туалет, разумеется, давали повод для всяческих насмешек и намеков.

Даже у Пушкина сказано об Онегине: «Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил...» [4, с. 15].

Начало русскому дендизму положил Петр I. Европейский стиль в одежде появился вследствие принятия новых реформ. Далее в мужском костюме обозначилась борьба между славянофилами и западниками, она привела к тому, что либералы-западники предпочитали европейский стиль, а среди них было немало последователей дендизма. У русского денди возник вопрос: как в своем образе совместить щеголеватость с мужественностью так, чтобы не бросались в глаза оттенки женоподобия? И одним из решений этой проблемы становится ношение мундира.

Лермонтов тоже не обошел стороной «мундир», но одежда не мешала Печорину проявлять свои «женские» качества: «...например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился...» — так о нем говорит Максим Максимыч [3, с. 180]. Из его слов мы узнаем, что Печорин в обществе демонстрировал свою изнеженность, пристрастие к «дорогим вещицам».

На наш взгляд, демонстрация в облике героя черт женственности, равно как и детскости (есть в его улыбке что-то детское, говорит рассказчик), — это акцент на возрасте Григория Александровича: ему в романе от 23 до 30 лет. Так, 25-летнего человека мужского пола в России XIX века считали юношей, 30-летнего — мужем. Как видим, герой даже в возрасте пограничен, а потому он природно противоречив: в нем есть юношеское начало, которому свойственны женские черты, но уже обозначается и начало грубо мужское (гикнул не хуже чеченца, целый день скачет по горам, похож на тигра).

Другой код в романе — лошадиный — открытие не одного Ханзен-Леве, русское литературоведение давно отметило важность облика лошади в романе, но этот код работает в сопоставлении с женщиной. В этой связи А. М. Ранчин [5] ссылается на фразу: « — А что, у нее зубы белы? Это очень важно. — Ты говоришь об хорошенькой женщине, как об английской лошади, — сказал Грушницкий с негодованием» [3, с. 240].

Автор статьи приходит к выводу, что Печорин цинично относится к женщинам и даже презирает их. На этом Лермонтов не останавливается, он использует творчество горцев, вероятно, чтобы показать давно замеченную природную связь между женщиной и лошастью. Ранчин обращает внимание, что в песне, которую поет Казбич, конь сопоставляется

с прекрасной женщиной, и сравнение это не в пользу красавицы: «...Золото купит четыре жены, / Конь же лихой не имеет цены...» [3, с. 194].

Оскорбительным должен казаться обмен, в котором Печорин меняет украденную лошадь на похищенную Азаматом Бэлу. «Обмениваемые товары, как известно, должны быть эквивалентны», — отмечает Ранчин [5]. То же происходит и с другой дамой, когда Печорин покупает ковер, который хотела приобрести Мери для своего кабинета, и покрывает им свою лошадь, показывая тем самым отношение к женщинам: «Я дал 40 рублей лишних и перекупил его; ...Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром...» [3, с. 248]. Здесь стоит добавить, что герой по-разному относится к женщине и лошади. Герой не любит женщин, он ими пользуется, конь же ему дорог: вспомним сцену, когда Печорин загоняет своего коня и потом страдает.

На некоторые параллели между человеком и лошадью в лермонтовском романе обратила внимание Э. Г. Герштейн [2]. Автор сравнивает сцену погони Казбича за украденным конем со сценой погони Печорина за любимой женщиной: «...набегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил. С минуту он остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал... повалился на землю и зарыдал, как ребенок...» [3, с. 197]. Так же отреагировал Печорин на потерю коня и любимой женщины — Веры: «Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг... он грянулся о землю... ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал» [3, с. 301].

Умел ли Печорин любить? О его скором охлаждении говорят строки: «Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно...» [3, с. 301].

В итоге утвердим: мысли Ханзен-Леве о женских чертах в облике Печорина подтверждаются текстом, но объясняются, с нашей точки зрения, модой дендизма и молодостью героя (юношеским женоподобием Печорина). Сопоставление героя с лошастью выглядит натянутым: текст романа показывает, что зооморфный код важнее для понимания образа женщины. Исследователь анализировал образ героя с антропологической точки зрения, опираясь на идеи фрейдизма. Мы считаем, что такой анализ не соприроден тексту, но идеи Ханзен-Леве могут быть импульсом дальнейшего изучения романа.

1. *Вайнштейн О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — 409 с.
2. *Герштейн Э. Г.* «Герой нашего времени» Лермонтова М. Ю. — М. : Худож. лит., 1976. — 125 с.
3. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. : в 4 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961–1962. — Т. 4. — 591 с.
4. *Пушкин А. С.* Сочинения А. Пушкина : в 11 т. Т. 1. «Евгений Онегин»; «Борис Годунов»; Драматические сцены. — СПб. : В типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. — 450 с.
5. *Ранчин А. М.* Женщины и лошади в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Портал «Слово». — URL: <https://portal-slovo.ru/authors/139.php> (дата обращения: 14.09.2019).
6. *Ханзен-Леве О.* Лермонтов М. Ю. : pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей: антология : в 2 т. — СПб. : РХГА, 2014. — Т. 2. — С. 526–558.